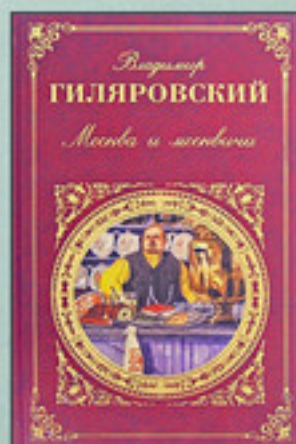

Владимир Гиляровский

Люди с волчьим видом

Часть сборника
Москва и москвичи (сборник)

Друзья и встречи

Владимир Гиляровский
Люди с волчьим видом

«Public Domain»

1926

Гиляровский В. А.

Люди с волчьим видом / В. А. Гиляровский — «Public Domain»,
1926 — (Друзья и встречи)

«Июль месяц. Еду по Волге в астраханские степи описывать чуму по поручению редакции. Публика на пароходе довольно серая – поговорить не с кем. И за весь рейс от Ярославля до Нижнего меня заинтересовал только один человек, или, лучше сказать, бывший человек, о котором я и рассказываю...»

Владимир Гиляровский

Люди с волчьим видом

Июль месяц. Еду по Волге в астраханские степи описывать чуму по поручению редакции.

Публика на пароходе довольно серая – поговорить не с кем. И за весь рейс от Ярославля до Нижнего меня заинтересовал только один человек, или, лучше сказать, бывший человек, о котором я и рассказываю.

Пароход остановился у Кинешмы. Погрузился. Сняли сходни. Стали отваливать. Пока происходила погрузка, обратил невольно мое внимание на себя молодой человек, жилистый, оборванный, босой, с котомкой за плечами, а на котомке болтался жестяной чайник. Он как-то особенно спокойно стоял на краю пристани, даже не интересуясь суетой и движением вокруг.

Исхудавшее лицо, темное от загара, и с обеих сторон распухшая шея: какие-то два громадных желвака от ушей до плеч.

Едва убрали сходни и пароход двинулся, как он с тем же совершенно спокойным видом сделал прыжок и очутился на пароходе и через минуту так же невозмутимо сидел на нижней палубе на скамейке, рядом со старухой-богомолкой.

Я подсел к ним и открыл табакерку.

– Угостите.

Бродяжка нюхает и чихает, любитесь табакеркой.

– Под чернетью. И внутри позолота ладная... А шалниры-то какие. У меня дядя серебряник, я знаю.

– А что у тебя с шеей?

– Давно это у меня так. Застудил, так и осталось. Да оно не мешает мне.

– Откуда? – спрашиваю.

– Из Ростова-Ярославского.

– А далеко?

– Пока не ссадят. Куда-то в Астраханскую. Забыл город, сейчас посмотрю.

Он вынул из тряпки бумагу, посмотрел и сказал:

– В Енотаевск. Уж придумали городок, язык переломишь. Енотаевск... Чтоб ему ни дна, ни покрышки...

Дальше – больше, разговорились. Оказался знакомый тип: человек с волчьим видом.

– Да уж документик сподобили, иди, пока не умрешь. Иди, на сутки поработать нигде нельзя остановиться, или воруй, или грабь, или умирай, если Христа ради не подадут. Вот он настоящий волчий паспорт, пожалуйста-с.

И подал мне печатный документ с приложением печати.

Это был вид, но не вид на жительство, а вид на право идти без остановок. Законный вид на бродяжничество, волчий паспорт, с которым всякий обладателя его имеет право гнать из-под своей крыши, из селения, из города. Я целиком списал этот вид и привожу дословно:

«Проходное свидетельство, данное из Ростовского полицейского управления, Ярославской губернии, административно высланному из Петербурга петербургскому мещанину Алексею Григорьеву Петрову, на свободный проход от г. Енотаевска Астраханской губернии, в поверстный срок с тем, чтобы он с этим свидетельством нигде не проживал и не останавливался, кроме ночлегов, встретившихся на пути, и по прибытии в г. Енотаевск явился в тамошнее полицейское управление и предъявил проходное свидетельство».

Подпись, которую, как и все подписи на документах, разобрать было невозможно. Я возвратил вид на бродяжничество и спросил:

– Почему именно в Енотаевск?

– Да вот в Енотаевск, чтобы ему ни дна, ни крыши...

– Кому – ему? Енотаевску?

– Нет, чиновнику.

– Какому?

– Да в Ростове. Вывели нас из каталажки, поставили всех в канцелярии. А он вышел, да и давай назначать кого куда. Одного в Бердичев, другого в Вологду, третьего в Майкоп, четвертого в Мариуполь. Потом позабыл город, потребовал календарь, посмотрел в него, потом взглянул на меня да и скомандовал:

– В Енотаевск его пиши. И остальных по календарю, в города, которые называются почуднее, разослал... Шутник.

– За что ж тебя из Петербурга турнули?

– Из-за дворника. Дворнику как-то на пару пива не дал, он и обещал попомнить. Ну, и попомнил. На заводе у нас беспорядки были, и я тоже в толпе был и не шумел, а вот попал. Когда стали арестовывать, дворник и попомнил, указал на меня. На восемь лет и выслали... четыре года хожу, а четыре еще осталось.

Это благодетель-чиновник из Харьковской губернии меня в Колу махнул. И натерпелся. Через Архангельск да по тундрам. Коты на ноги дали... Из Колы опять этапом в Городище Пензенской губернии махнули... А оттуда в Ростов... Через Казань пошел, по Волге, через Нижний, в казанской больнице лежал...

В Нижнем я стою на палубе парохода и смотрю на выходящих пассажиров, у которых капитан строго отбирает билеты.

Мой бродяжка подходит ко мне и жалуется, что после Нижнего зайцем больше ехать нельзя, контроль будет строгий. И делает движение, чтобы уйти. Я вынимаю пять рублей и сую ему в руку:

– Купи билет и поезжай спокойно.

Он зажал деньги и смутился. Что-то хочет сказать и, видимо, не может. Затем он запустил руку к себе в карман, вынул мою табакерку, сунул ее в карман моей тужурки, где я ее обыкновенно ношу, и без оглядки бросился бежать сквозь контроль, оттолкнув матроса, который чуть не упал... И сразу пропал где-то... Шум-гвалт... Потом все успокоились. Он исчез...

И понять не могу, как он в одну минуту так ловко выудил из кармана мою табакерку.

* * *

С историей моей табакерки и этим бродягой еще раз связана моя последняя в жизни, любимая мною с юных дней степных скитаний охота на волка в угон, давно-давно забытая. Охота эта калмыцкая и казачья, потому что для нее нужны волк, степь и лошадь. Да еще особая нагайка, волчатник. От обыкновенной казацкой нагайки она отличается тем, что она длиннее наполовину и втрое толще, хотя сплетена также из тонких сыромятных ремней, а иногда в нее вплетали кусок свинца. Только это совершенно лишнее – и без свинца удар такой нагайки страшен, а с коня, на скаку, она разбивает волчий череп, а то и хребет можно перешибить.

Десятки лет эта моя старая приятельница по охоте хранится у меня...

И вот – это было в последний год прошлого столетия, поздней осенью – я был на зимовниках сначала в задонских степях, а потом и проехал в ногайские и зеленчукские степи, на хутор к молоканину овцеводу и коннозаводчику, по его просьбе я помог купить как-то для его табунов двух английских жеребцов-производителей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.